

Наталия Мадорская

Мужчина моей мечты

Ироническая проза

Наталия Мадорская
Мужчина моей мечты.
Ироническая проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264908
ISBN 9785449011657*

Аннотация

«О времена, о годы! Вместо романтического мальчика меня ожидал рыхлый инвалид на костылях в рваной куртке. Не думаю, что я выглядела лучше. Мы являли собой звездную пару – как раз для посещения ресторана херра Брудера...». «Моя любовь имела перспективу: к 27 годам Петкун был женат и разведен дважды» – рассказ «Он жил, как хотел».

Содержание

Ах, мамочка!	5
Падал снег	15
Виктория, женщина-победа	32
Молодость, полная чудес	32
Мезальянс	36
Богатые должны дружить с богатыми	39
Усмешка Бога	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мужчина моей мечты

Ироническая проза

Наталья Мадорская

© Наталья Мадорская, 2017

ISBN 978-5-4490-1165-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ах, мамочка!

Мария Викентьевна никогда не выходила к столу непричесанной и в халате. Вот и сейчас, сидя перед зеркалом в старинной оправе, она еще раз пригладила волосы и нервно дотронулась до небольшой кудельки волос на затылке:

«Шестьдесят два, конечно, не сорок. Но и не сто. И называть женщину бабушкой в любом возрасте бестактно. Но как растолковать это глупым соседям? Бабушка и бабушка! Впрочем, чего еще можно ждать от плебеев?»

– Мамочка! – услышала она голосок Ксении из другой комнаты.

– Иду-иду, мой дорогой! Иду, милая! – Мать просеменила по коридору и остановилась, пораженная, в дверях:

«Ах, как идет к русым волосам Ксенечки это скромное платьице с мережкой, и как вся она, освещенная летним солнцем, похожа на свекровь. Дворянских кровей была свекровь. Злее ее, прости Господи, не было».

– Что ты застыла, мамочка? – Сидя за столом, покрытым свежей скатертью, под своим портретом, нарисованным ее братом Кириллом, Ксения осторожно разливала кофе.

– Ничего, – сказала Мария Викентьевна и робко присела на стул.

«До чего хороши у Ксенечки глаза, – думала она, придвигая к себе чашку. – И взгляд голубой, холодноватый».

– Не находишь ли ты, мамочка, – ласково улыбаясь, спросила дочь через некоторое время, все заполненное звуками трапезы, по сравнению с которыми щебет воробьев на балконе мог показаться резким, – не находишь ли ты, мамочка, что пирожок нынче удался?

– Тебе все удастся, мой дорогой! – гудок автомобиля под окном заставил ее вздрогнуть и бросить быстрый взгляд на дочь.

– Все потому, что тесто вышло неплохое, – все так же улыбаясь, продолжала Ксения, – а тесто, мамочка, – главное в пирожке.

Этот разговор, приятный обоим, наверное, затянулся, если бы не гудок, повторенный на этот раз дважды.

– Игорек ждет, – сказала мать.

– Я знаю, мамочка. Для мужчины это полезно – подождать! – Ксения приложила салфетку к губам, не торопясь, встала, и, выйдя на балкон, изящно взмахнула кистью руки.

...Увидев Ксению, Игорь заулыбался и пошел ей навстречу.

«В этой бабе, и правда, что-то есть! – думал он. «19 век, старик, – вот тебе крест! – вспомнил он слова Витьки-трубача, который их познакомил. – Поглядишь и скажешь: тургеневская Ася. Помнишь такую? Ася, но в бальзаковском, старик, возрасте».

«Мужчина солидный, – не в первый раз отметила про себя Ксения, взглянув на Игоря. – Полноват, но ведь ему за со-

рок. Зато это звучит – скрипач в филармоническом оркестре. Посмотрели бы на него наши дамы с работы. Впрочем, вряд ли он в их вкусе».

– Не люблю машины, – сказала Ксения, удобно устраиваясь на сиденье и с удовольствием вдыхая запах дорогой кожи.

Эту фразу она произносила каждую субботу, чтобы он не думал о какой-то корысти с ее стороны.

– Солнце печет уже с утра, – сказал Игорь, включая зажигание.

– Денек обещает быть неплохим, – милостиво согласилась Ксения.

– А как Вы спали? Что Вам снилось?

– Спала я хорошо, благодарю Вас, Игорек, – неторопливо начала она, – а снилась мне река...

«Это надолго, – обрадовался Игорь. – Как они все, и умные и глупые, любят пересказывать сны и свято в эту чушь верят».

Центр миновали удачно и, повернув на Приморское шоссе, влились в поток маниакально стремящихся за город машин.

Хорошо, что после Лахты на шоссе стало свободнее.

– На Щучье? – спросил Игорь, подъезжая к поселку Комарово, хотя прекрасно знал их обычный маршрут.

– Нет. Сначала к Анне Андреевне. – Строго поправила Ксения.

У могилы Анны Ахматовой уже стояли люди. Ксения положила на камень цветы, немного постояла, опустив голову, потом посмотрела на Игоря и тихо, только для него, продекламировала:

Сказал, что у меня соперниц нет
Я для него не женщина земная.
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.¹

Писатели из рядом расположенного дома творчества, стоящие у могилы, с пониманием смотрели на нее, как бы принимая в свою кампанию.

Ксения немного помедлила, потом повернулась и быстро пошла к воротам: не проводить весь день на кладбище. (Писатели, наверное, с интересом глядели им вслед.)

...Игорь лежал на спине, опираясь на локти, и смотрел, как Ксения пробирается к воде, брезгливо обходя лежащих. «Королева, ей-Богу! И такое впечатление, что она никогда, ни с кем, и нигде! Ну, это уж ты, брат, хватил! У нас это, да, бывает, а у них – нет!»

Непонятно, как Витька на нее вышел. «Есть, старик, невеста по твоим запросам. Не знаю, правда, по твоим ли зубам.»

– Так, может, и не надо? – спросил Игорь, большой ценитель блицкрига.

¹ А. Ахматова (из стих. «Сказал, что у меня соперниц нет...»)

Но на уговоры поддался. Какой там блиц! Осаде пошел пятый месяц. Сколько денег ушло на конфеты – букеты, сколько бензину на поездки по литературным местам!

Ксения подошла, аккуратно промокнулась полотенцем и села.

– Вода сегодня, по-моему, неплохая.

«Неплохая» – ее любимая мера всему. Никогда не скажет: холодная или теплая. А только так: неплохая».

«Ну, как к такой подберешься?» – Игорь вздохнул и решительно положил руку на плечо Ксении. – Не кажется ли вам, Игорек, – она деликатно освободилась от его руки, – что этот пейзаж немного напоминает Моне?

– Моне? – в панике подумал Игорь. – Его-то мне и не хватало!

Толстуха в сиреновом белье неожиданно появилась слева из-за деревьев и закрыла собой пейзаж Моне.

«Откуда у нас столько народу? – раздраженно подумала Ксения. – Куда не плюнь, везде народ! И почему они все время кричат?»

– Пойду искупаюсь, – сказал Игорь и, сделав несколько шагов, поравнялся с толстухой.

«Как они похожи! – удивилась Ксения. – У него такие же ручки и ножки, воткнутые в жирное тело. И такое впечатление, что он никогда, ни с кем и нигде. Впрочем, у них так не бывает. У нас – да, а у них – нет!» – Ксения вздохнула, и вдруг крики детей и взвизги женщин сначала стали тише,

а потом пропали. Будто она была на острове, маленькая, беззащитная, одна.

«Как я всех ненавижу! – Она смотрела на Игоря в воде. – И его тоже! Но ведь только что было все хорошо? Наверное, меняется давление. Ну, так и есть!»

Откуда-то сзади, со стороны леса, подкрадывалась к озеру и к ней зловещая туча. Надо немедленно ехать! – мысленно приказала она и увидела Игоря, выходящего из воды.

– Что с вами, Ксения?

– Я хочу домой!

– Сейчас поедem, – сказал он.

...Машины, несущиеся по шоссе, казалось, уходили от преследования.

Как Вам наша поездка? – попытался нарушить Игорь тишину. – По-моему, день вышел удачным. А, Ксюша?

– Я не Ксюша, – отрезала она и потом молчала до самого дома.

У ворот она через силу ласково улыбнулась:

– Думаю, это была очень неплохая прогулка. Благодарю вас, Игорек.

Потом проворно вылезла из машины, и через мгновение платье с мережкой скрылось в парадном.

Игорь удивленно присвистнул, достал фляжку с коньяком и открыл пробку: облом требовал раздумий.

...Ксения чмокнула мать в щеку и быстро прошла на балкон. Машины уже не было. Она вдохнула резкий аромат цве-

тов, что поднимался из палисадника, и немного постояла. Темнело на глазах: знакомая туча, лиловая посредине и серая по краям, уже висела над соседним домом.

«В последний раз», – прошептала Ксения. Она закрыла балкон, прошла на кухню, распахнула холодильник и стала быстро перегружать его содержимое в две сумки.

Мать, стоя в дверях, с ужасом следила за ней.

– Останься, Ксенечка! Я говорила с Кириллом. Он, как старший, тоже против!

– Скажи Кириллу – я уже не девочка, мама!

Потом, спотыкаясь, шла она, нет, бежала, между темных домов.

Остановленный паническим взмахом ее руки, частник прижал машину к «бровке»:

– На Гражданку? Со скоростью света, мадам!

Но Ксения не поддержала шутки: холодная противная дрожь сотрясала все ее тело так, что стучали зубы. «Скорее, – кричала она про себя. – Пожалуйста, скорее!»

У потрепанной пятиэтажки она вылезла из машины, сунула шоферу деньги, вбежала вверх по лестнице и остановилась у знакомой квартиры.

И сейчас же слышала, как обрушились на город потоки дождя.

За дверью раздавались тяжелые шаги и громкая ругань.

Ксения прислонилась к стенке и в блаженстве закрыла глаза.

«Ревнует!» – улыбалась она, прислушиваясь к раскатам мужского голоса. – Любит!»

Дверь сама собой распахнулась.

– Явилась! – Стоящий на пороге мужчина был небрит, ворот его несвежей фланелевой рубашки был расстегнут и обнажал немолодую шею с набрякшими жилами; темные глаза смотрели независимо и зло.

Он отошел назад, пропуская Ксению. Она поставила сумки на пол и ласково дотронулась до его худой щеки: «Опять печень?»

Но он грубо отпихнул ее в сторону и, подхватив сумки, ушел на кухню.

Ксения присела на стул у кухонного стола и вытянула ноги, чувствуя, как покидает ее напряжение долгого дня. Потом посмотрела на грязные занавески – надо бы замочить – на лампочку без абажура и мужчину, который быстро и последовательно извлекал из сумок цыпленка, зелень, хлеб, сметану, огурцы и – оп! – бутылку вина:

– Молодец, крошка!

«Почему мы, женщины, никогда не бываем такими несчастными?» – думала Ксения. А вслух между тем быстро говорила:

– Сегодня у нас в банке...

Мужчина, казалось, не слушал, он возился с бутылкой, которая не поддавалась, крыл матом всех и вся, и казалось, что под его зубами вот-вот хрустнет стекло. И, наконец-то! –

темная жидкость полилась в стаканы!

Выпив свой залпом, он покосился на второй:

– Чего не пьешь? А, давай его сюда!

Этот стакан он пил не торопясь, смакуя, и Ксения смотрела, как разглаживается его лицо, и разгораются в глазах знакомые хищные огни. И под его взглядом возникала и захлестывала ее сладостная волна.

– Ну, что, Ксюшка? В банке до сих пор была? Ну, и кто тебя... сегодня в банке? А, Ксюшка? Первый менеджер или второй?

И слышал в ответ неприличный и счастливый смех Ксении.

... – Знаешь, почему ты ко мне липнешь, а, Ксюшка? – презрительно спрашивал он после, когда Ксения, опустившись на грязный пол, стояла на коленях, прижимаясь головой к его ногам.

Он надолго задумался, как бы подбирая приличный эквивалент для своей мысли:

– А люблю я хорошо! В этом все дело, Ксюшка! Никто, заметь, никто из баб не обижался, – добавил он, несильно дергая ее за волосы, но Ксения не воспринимала его слов.

«Не пара он тебе, доченька, не пара – Слышала она отчаянный крик матери. – Извини меня, дорогой! И Кирилл, Кирилл тоже считает, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

«Не можно, мамочка. Не можно, – твердила про себя Ксе-

ния. – Ах, как мне жаль, мамочка, что не можно!»

Падал снег

– Я тебе морковки потеряла с сахарком, – шепотом сказала Нина, возникшая в дверях его кабинета, – женщина кругленькая, симпатичная, своя. – Для мозга морковочка, ой, как хороша!

Как все-таки всем бабам идёт домашний передник, подумал Станислав, и, продолжая печатать на машинке, вслух сказал:

– Пуся, с каждым годом я люблю тебя все больше и больше!

– И винегредик уже готов, – прошептала жена (в соседней комнате спал их 6-летний сын).

– Не говори «винегредик», Пуся. Говори «винегрет» с буквой Т на конце.

– Ладно, Мусик! А ты сегодня идёшь?

– Сегодня? – как будто удивился Станислав.

– Сегодня, – повторила она. – Сам же говорил: вечер встречи выпускников вашего факультета. 15 лет со дня окончания.

– Что там делать, Нина?

– Так ведь я не уговариваю. Это ты, то идешь, то не идешь. Деньги тогда на банкет зачем внес?

– Что деньги? Деньги, что? Сам не знаю, зачем внёс. Сашка Шмыров пристал: все идут, а ты...

Зарплата начальника отдела, кандидата физико-математических наук позволяла ему не трястись над каждым рублем. И трехкомнатный кооператив, в котором они в настоящее время жили, Стас осилил сам, хотя отец, не последний человек в Ленинграде, помощь предлагал.

Переезд в собственную квартиру поразил Стаса. Нельзя сказать, что в родительском доме им было плохо. Мать, правда, не любила Нину, (не родилась ещё та принцесса!) и это чувство было взаимным, но скандалов не было.

Да, иногда, придя с работы, Стас заставал жену заплаканной, однако никогда она не жаловалась на свекровь, а он и не думал докапываться до причин: это были их, бабские дела. Но сам – то Стас знал: у Нины был прекрасный характер, а вот его мамочка – тот еще подарок!

Итак, квартира! Открыть собственную дверь собственным ключом, влезть в тёплые тапочки, тщательно и с удовольствием помыть руки и уже тогда – к накрытому столу. Хорошее гнездо они с Ниночкой свили: большая 9 – метровая кухня, ванна, облицованная итальянской плиткой, мягкая югославская мебель. Нина, надо отдать ей должное, готовила прекрасно. Она и, вообще, любила домашние дела. И когда только все успевала? Тоже ведь работала, помощником бухгалтера.

После сытной еды Стас не ложился на диван, а шёл в свой кабинет, рылся в зарубежных журналах, листал тяжелые фолианты, выискивая нужные теоремы и аксиомы, писал, за-

черкивал, печатал: готовил докторскую диссертацию.

Иногда дверь растворялась, на пороге возникал сын, тянулся к отцу. Стас с удовольствием сажал мальчика к себе на колени, гладил его чистые светлые кудряшки. Но сейчас же в дверях появлялась Нина и забирала ребенка со словами:

– Не мешай, папочка работает!

Нина очень уважала его труд, и сына приучала к тому же. Но сегодня она присела у его стола на краешек стула и спросила:

– А что там ваш Саша Шмыров? Кем он работает?

– Представляешь, заделался артистом эстрады, не имея специального образования. – Стихи читает.

– Свои?

– Слава Богу, нет. Вознесенского, и ещё кого-то, такого же модного. У него целые программы. Он и всегда был чокнутым. Хватал за пуговицу и начинал гундосить.

– А кто его пустил-то на эстраду?

– Понятия не имею.

Внезапно Стас посмотрел на часы, вскочил, прошелся взад и вперед по комнате, как – то боком приблизился к шкафу, ловким движением вытащил новый темно-синий костюм в полоску и, глядя в зеркало, приложил его к себе. Потом достал рубашку и носки.

– Ты же говорил – не пойдешь? – сразу сообразила Нина.

Стас, не отвечая, оделся и вышел в прихожую; причесался

перед зеркалом, еще раз провел щеткой по ботинкам, и без того до блеска начищенным женой, и только влезая в пальто, крикнул:

– Я ушел, Пуся!

Через несколько минут он «голосовал» на проспекте.

Машины не было. Легкий морозец пощипывал щеки. Стас, приплясывая в легких ботинках, чувствовал, что заводится с пол-оборота: он не любил опаздывать, но тут подкаатило такси. Водитель, парнишка с длинной шеей, замотанной шарфом, хотел было сказать, что едет в парк, однако, взглянув на лицо клиента, проронил:

– Поехали!

Выскочив из машины, Стас заставил себя успокоиться, и уже по лестнице поднимался, отражаясь в зеркалах, представительный 37-летний блондин с проседью на висках, в прекрасно сидящем на нем костюме.

Вечер встречи, можно сказать, только начался, но однокурсники уже успели занять места за тремя длинными столами, поставленными буквой П справа от входной двери. Пространство слева было занято небольшой эстрадой. В центре, впрочем, оставалось пустое место для танцев.

Стас цепким взглядом оглядел тех, кто сидел в зале, помрачнел, и было сделал шаг назад, но знакомые голоса закричали: Стасик, Стасик пришёл. Иди к нам!

Стас поглядел в том направлении и увидел Танечку Томилину, с которой у него был небольшой роман, точнее, но-

веллка на первом курсе. За давностью лет все само собой как-то рассосалось и перешло в равнодушную симпатию.

Однокурсники потеснились, и он сел рядом с Танечкой. Как ни странно, в отличие от остальных, она мало изменилась, хотя и несколько расплылась. Те же кудряшки, обесцвеченные пергидролем, тот же задорный носик.

– Ты стал такой важный ... – протянула Томилина, накладывая ему на тарелку салат.

– А ты думала, я – неважный? – мрачно сострил Стас.

– Штрафной, штрафной Стасу! – зашумели вокруг.

– Твой тост, Стас! – сказал сидящий напротив Сашка Шмыров. Он был одет в немыслимую косоворотку «а-ля рюс» и, как всегда, имел восторженный вид.

Стас ломаться не стал – за словом в карман он никогда не лез.

– Как приятно сознавать, – сказал он, вставая, что для каких-то людей ты всегда будешь Колькой, или Танечкой или Стасом. Пройдут годы, но кто-то будет помнить тебя молодым. Выпьем, друзья, за нашу совместную молодость! – Произгласил он, вовсе никого не считая тут другом.

– Ура! – закричали рядом, и Стас сел.

– Ты женился? – спросила Танечка, – покосившись на жирное золотое кольцо на его пальце. – И глаза её стали грустными.

«Вот бабы, – мысленно удивился Стас, – во всех-то они видят мужей. Можно подумать, я ей давал какие-то авансы».

– Ты нисколько не изменилась, – перевёл он разговор и добавил с чувством: Прекрасно выглядишь!

Однако, когда начались танцы, Танечка пригласила его и повторила свой вопрос.

– Да. Женился, – отрезал он. – Моя Нина – прекрасная жена, мать, любовница. И очень остроумная, – зачем-то добавил он.

– Остроумная, как Лариска? – уточнила Танечка и подмигнула.

– Причём тут Лариса? – спокойно сказал он. – С Ларисой у нас ничего не было. – Кстати, почему её нет сегодня? Не пожелала до нас снизойти?

– Да нет, она в экспедицию завербовалась: деньги зарабатывает.

– Опять с рюкзаком, в палатке, а кругом одни мужики? – неожиданно зло сказал он.

И вспомнил, как пятнадцать лет назад по окончании университета, он распределился в какую-то геодезическую партию на север, одурманенный, не иначе, песнями Ларисы, её постоянными сказками о «туманах и запахах тайги».

Она-то, хотя и пела, а работать пошла в Политех. Вот дурак-то был, прости Господи. И нет, чтобы спросить, прежде чем распределение подписывать, куда ты, Лариса, собираешься? Нет, уверен был, что она за ним побежит.

Ох, эта геодезическая романтика тех лет, будь она неладна! Комариные болота, рюкзак на 30 кг, плюс теодолит. Эти

приключения не для «белого человека», – понял Стасик на следующий день, да было поздно: по тем временам Родина требовала от него трехлетнего подвига. Спасибо отцу, поднял свои связи, и вскоре любимый сынок был дома, а ещё через месяц преподавал высшую алгебру в Ленинградском университете.

– А где ты с женой познакомился? – не унималась любопытная Танечка.

– Отдайся музыке, – прервал её Стас. – Послушай, какой текст и какая мелодия.

– Все равно я не понимаю ни слова по – английски.

– Могу перевести, – сказал Стас. – «У тебя такие же голубые глаза, как у нее, ты целуешь меня, как она, но это только разбивает мне сердце, потому что ты не она»...

– Что касается моей жены, то я познакомился с ней на улице, – неожиданно сказал Стас, когда Томилина, вроде, угомонилась.

И это было чистой правдой. В жизни некоторых мужчин иногда наступает период, когда они – не надо смеяться – хотят жениться. Сегодня он не думал и не гадал, бегал от потенциальных невест, как чёрт от ладана, а завтра уже спит и видит себя в брачных веригах. И схватить может кого угодно!

Этот исторический момент наступил для Стаса сразу после расставания с геодезией. Именно так: жениться и после этого видеть всех баб в гробу! Счастье еще, что Бог подсунул

ему красивую и приличную Нину, а не... В этот страшный для мужчин период возможны любые варианты.

И практически Стас никогда не изменял Нине. Так пару раз на конференциях, и то в силу насущной необходимости.

– Не понимаю я бабников, – говорил он приятелям, которых с каждым днём становилось все меньше. – По – моему, все эти проблемы можно решить с одной женой.

– Не скажи, – возражали ему, – с гречки иногда тянет на манку.

«Манки», однако, он накушался в молодости. Сейчас его тянуло только домой, в тёплое гнездышко.

– Лариса передавала тебе привет, – прервала его размышления Танечка.

– Ну, и что мне от её приветов? – помрачнел Стас.

– О, покраснел, покраснел! – воскликнула она.

– Кожа у меня такая, – объяснил Стас. – Краснею от глупостей. – Ты танцевать-то будешь или сядем?

– Будешь, будешь! – сказала Танечка. – Извини, болтаю, сама не знаю, что. Ты и французский знаешь?

Он кивнул. А откуда? Надо же! Были гувернантки? А чего же молчал?

– Вредно тогда было много говорить, объяснил Стас. – Помнишь, я все пять лет проходил в одном сером костюме и двух рубашках – голубой и красной? А тебя не удивляло, что у них всегда был новый вид?

– И в голову не приходило.

– Так вот, отец из-за границы привёз мне пять импортных одинаковых костюмов и много рубашек и сказал: не вздумай рассказывать, как ты живёшь. Зависть, как известно, сделала революцию. Я даже на занятия ездил на такси, а останавливался за углом, – понесло его на откровенность.

– С ума сойти! – воскликнула Танечка! – Вот жених был! Где были мои глаза? – она вздохнула. – А я так хотела знать хоть один иностранный язык, пыталась учить, но терпения, видать, не хватило. Мне и сейчас хочется узнать, о чем он сейчас поёт, этот певец?

– Это Адамо, – объяснил он. – А о чем поёт? О чем все они – о любви.

– Понимаю, что о любви. А конкретнее?

– «Падает снег. Ты не придешь сегодня вечером. И в моём сердце царит ночь...»

– Сильно сказано, – прошептала Танечка.

– Тихо. – Сказал Стас, прислушиваясь.

– «Ты не придешь, кричит во мне мое отчаяние, но... падают снежинки, невозмутимо кружась...»

Музыка смолкла.

– А что ещё передавала Лариса? – спросил он вдруг.

– А привета тебе, что, мало? – кокетливо удивилась Танечка.

– Не знаю. – Ответил Стас.

«Пожалуй, мне ее хватит», подумал он про Танечку и, отведя ее на место, подошел к группе однокурсников, чтобы

сфотографироваться вместе с ними.

«... Завидую тебе, – сказал ему отец в первый день занятий в университете. Вот придешь ты на лекцию, а там – такие розы! Ведь, всем вашим девчонкам по 17—18 лет. Завидую!»

На первом занятии Стас внимательно оглядел всех будущих геодезисток, с которыми ему предстояло учиться пять лет в одной группе, но обещанных «розанов» не нашёл. Девочки показались ему некрасивыми, плохо одетыми и какими-то деревенскими. А вот у математиков – это да! Поэтому, когда волею судеб две группы – математиков и геодезистов – поехали вместе на «картошку», он, вспомнив папу, «теряться» не стал, пересел в машину к математикам и очутился вдали от родной группы.

И влип по полной! Что тут было! По приезде его группа устроила собрание. «Ты предал своих!» – кричала пучеглазая кубышка Фира Давидович, комсорг. – «Так не поступают товарищи!» – вторили другие, в основном, девчонки, парни молчали.

Ещё бы! Что это было, как не предательство? В группе из двадцати человек всего шесть мальчиков, и самый симпатичный из них...

Стасик по совету отца каялся, бил себя кулаком в грудь, обещал, что никогда больше... Ларису он на собрании не помнил: то ли она молчала, то ли её не было.

Он встретил её буквально через день у своего дома. Как

потом оказалось, они жили на одной улице, но в разных её концах. Столкнулись носом к носу.

– Ты тоже со мной не разговариваешь? – спросил Стас.

– Почему? – она удивлённо скосила на него зеленые глаза и похлопала огромными ресницами.

– Группа мне объявила бойкот, знаешь? За то, что я на картошку поехал не с вами.

– Если все наши за бойкот, то я против. Я что-то слышала, но не поняла. С нами, не с нами ты поехал – какая разница? Ну, поехал, ну не поехал? Что с этого?

Эти слова задели его почему-то больше, чем сам бойкот.

– А как там было весело, какие там были звезды ночью над заливом! Сашка Шмыров стихи читал, Бернса: «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать! Ты свистни, тебя не заставлю я ждать! Пусть будут браниться отец мой, и мать. Ты свистни – тебя не заставлю я ждать!» – процитировала она и засмеялась.

Неожиданно Стасу показалось, что в груди его что-то встрепенулось, щелкнуло, и оттуда забил мощный фонтан дикого вранья. Захлебываясь и глотая слова, он стал рассказывать, что вообще-то он швед по национальности, и сейчас они вместе с отцом исследуют затонувший в Балтийском море корабль, на котором некие пираты перевозили золото.

Лариса слушала его, открыв рот, а потом сказала деликатно:

– Мне кажется, ты сочиняешь.

– Ну, и молодец, что не веришь, – ответил он.

С этих пор они иногда возвращались с занятий вместе, шли, разговаривая ни о чем, и как-то сразу он попал в зависимость от её взглядов, улыбок, смешков, нахмуренных бровей или сияющих глаз.

...Между тем танцы временно прекратились, и ведущий вечера Генка Цапля, выпивоха и бабник, попросил всех занять свои места.

– Жизнь – неожиданная штука, – торжественно заявил он. – Не все наши товарищи работают по специальности. И мне приятно представить вам артиста эстрады Александра Шмырова!

Размахивая длинными руками, Сашка поднялся на эстраду и занял позу Ленина на броневике.

– Андрей Вознесенский: «На плотях». – Сделал он паузу.

– «Нас несёт Енисей, как плоты, над холодной и чёрной водой. Я – ничей! Я не твой! Я не твой! Я не твой! Ненавижу провал твоих губ. Твои волосы, платье, жильё! Я плевал на святое и лживое имя твоё!..»

Что-то было в его чтении такое, отчего разгоряченная банкетом публика замолчала. Потом был Бернс, которым когда-то восхищалась Лариса:

– «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать!»

– А Шмыров женился, не знаешь? – спросила Танечка, вновь оказавшаяся рядом со Стасом.

– Свистит до сих пор. – Ответил он. И пояснил: – Выбирает...

...Мужчиной в физиологическом смысле этого слова Стас стал на первом курсе, очутившись ненадолго в какой-то пьяной кампании. Процесс ему понравился. С тех пор в любом обществе он безошибочно и точно определял девушку, которая не откажет. Пара дежурных фраз и комплиментов, потом – ресторан, потом к себе на квартиру. Разумеется, если родители отсутствовали. И что интересно – ни с одной из них он не встретился дважды – таково было его правило.

К Ларисе это не имело никакого отношения. Он мог поклясться, что в его тяге к ней не было никакой физиологии: хотелось видеть ее, слышать, сидеть рядом.

– Ты меня любишь? – однажды неожиданно спросила она, когда они сидели вдвоём на подоконнике в студенческом общежитии.

Он даже подскочил от возмущения:

– А почему это я должен тебя любить?

Лариса, видимо, обиделась и с неделю его избегала, а он за эту неделю похудел килограмма на два. А ведь ему казалось: он говорил правду. Она была не в его вкусе. И ещё все время представлялось – если кто и дышит к кому неровно, так это не он, а она.

– Чего это ты теряешься? – сказал ему как-то Шмыров, кивнув в сторону Ларисы.

– С чего ты взял, что я теряюсь? – возмутился Стас.

– Так видно же за километр, – заржал Сашка, – что ты у неё на коротком поводке. Трудный объект, я тебе доложу.

Хочет, чтобы к её пьедесталу мужик полз на коленях с розами в зубах, но таких желающих в наше время нет.

– А ты пробовал?

– На розы у меня денег нет, – признался Шмыров, – а без роз не «прокатит».

«Уж если этот шизанутый любитель поэзии вообразил что-то насчёт их отношений с Ларисой, то, что тогда думают остальные?» – ужаснулся Стас.

Хватит пустой болтовни, пора переходить к делу, решил он после разговора со Шмыровым. Но попробуйте перейти от дружбы к любви. Тут все равно должен был состояться серьёзный разговор. Нужны комплименты, дежурные фразы, потом ресторан, потом домой – при одной этой мысли Станислав похолодел.

Но надо, надо! Мужчина он или нет?

– Какие у тебя красивые глаза, – начал он, когда они сидели вдвоём в ожидании лекции. «Твои глаза зелёные, слова твои обманные, и эта песня звонкая свели меня с ума», – натужно пропел он.

– Фальшивишь, – сказала Лариса и отвернулась.

– Я? Фальшивлю? – обиделся Стас. – Если хочешь знать, я окончил музыкальную школу с отличием.

– Да не в мелодии фальшивишь, а в своих чувствах.

– Ты мне не веришь?

– Не верю.

Сейчас – то он понимал: девочка, брошенная своим от-

цом ещё до рождения, не верила мужчинам. И рядом он, самовлюбленный папенькин сынок. У них не могло быть совместного будущего.

Потом он пытался ещё несколько раз вернуться к этому, но слова застревали у него в горле – боялся её насмешек.

А после окончания университета твердо решил: никаких звонков, встреч, провожаний. Не думать на эту тему. Никаких розовых соплей! Никаких ромовых баб! Бабы отдельно. Ром отдельно. И жена. Нужна хорошая верная жена!

Сначала было трудно, мысли услужливо поворачивали в ненужную сторону, рука сама собой тянулась к телефонной трубке, чтобы набрать Ларисин номер. Но – нет! Мужик он, в конце – концов, или половая тряпка?

И, когда он познакомился с Ниной, практика показала – мужик! С этих пор он стал смотреть свою жизнь как многосерийный фильм: вот он через неделю после первой встречи делает Нине предложение, и она сразу соглашается. Вот он на собственной свадьбе. Вот он встречает Нину и сына на пороге родильного дома, вот они с Ниной покупают мебель. «У меня все по высшему разряду», – доказывал он кому-то, кто, казалось, пристально наблюдал за ним.

...Шмыров сошёл со сцены, откуда-то сверху опустился экран, и ведущий Генка Цапля объявил:

– Сейчас будет показан фильм. Фильм, как сказал наш уважаемый Саша Шмыров, чудом восстановленный.

Черно – белая короткометражка называлась «Геодези-

сты» и рассказывала о буднях их группы – в аудитории, на практике или в вычислительном центре. Однако правильное было бы назвать фильм «Лариса», потому что на экране беззвучно пела, двигалась, небрежным жестом откидывала за спину свои длинные волосы она одна, двадцатилетняя Лариса. А их геодезическая группа просто составляла ее фон.

Он вспомнил все, о чем не забывал никогда, и сейчас сидел подавленный и оглушенный. Железные обручи, в которые он, как сказочный персонаж, заковал свое сердце, лопались с треском; волна любви, возникающая где-то на горизонте, двигалась быстро и грозила разрушить все на своём пути.

По – видимому, автор картины тоже был настроен весьма тенденциозно. Так, значит, они с Ларисой ..., думал Стас, и его трясло от ненависти к сопернику.

– Ну, как фильм? – подсел к нему Шмыров. Но Стас отвернулся и ничего не ответил.

– Что с тобой? – удивился Сашка. Зря я этот фильм восстанавливал, что ли? Я, думал, что тебе, как автору будет приятно.

– Я – автор? – удивился Станислав.

– Ну, не я же! Ты, что, забыл, как ты мне дал эту плёнку и попросил сжечь, потому что у тебя не поднимается рука? Да, ты подумай, у кого из нас была в то время кинокамера?

Действительно, как он мог забыть? Отец привёз ему её из-за границы.

– Спасибо. Большое спасибо. – Стас с чувством потряс Сашкину руку. Ты заходи, как-нибудь к нам. А то хочешь: поедем вместе домой. Я возьму такси.

– Снег какой-то театральный, – заметил Шмыров, пока они мерзли на стоянке.

– Белое одиночество, – сказал Стас.

– Ты это о чем?

– Так. Ни о чем.

В машине они оба молчали.

– Ну, пока, сказал Саша, кинул на приятеля внимательный взгляд и улыбнулся. – До встречи!

К себе на третий этаж Станислав поднимался тяжело, не торопясь. Его страшила встреча с женой, которая иногда видела его насквозь.

Но все прошло отлично. Стас позвонил. Нина вышла в прихожую. Не снимая пальто, он сделал шаг вперёд, прижал её к себе и спрятал лицо у неё на груди.

– Ну, Мусик! – Сказала Нина. – Ты же весь в снегу!

Виктория, женщина-победа

Молодость, полная чудес

Она родилась 9 мая 1960 года, и мама-папа благополучно «соскочил» – назвала ее Викторией. Когда они переехали в наш дом, (все происходило и происходит в Санкт-Петербурге) Виктория уже окончила школу и училась в швейном ПТУ.

Это была курносая здоровая девушка с короткой «тюремной» стрижкой и постоянным блеском в глазах – жизнерадостная и громогласная, ждущая от жизни чуда, и к встрече с ним всегда готовая. И чудо случилось! Помню, как через какое-то время она, стоя у ворот, радостно говорила соседкам (видимо, в ответ на их бестактные расспросы): «Я хотела мальчика, и родила мальчика!».

Потом, когда мы с ней сошлись поближе, Вика сама рассказала мне историю появления на свет ее сына Коли.

Это была любовь с первого взгляда! Она как раз ехала в трамвае, или в поезде метро – тут память мне изменяет, и вдруг ее взгляд остановился на молодом мужчине напротив. Вы не поверите, но это был Он, тот, которого она ждала всю жизнь. Она пересела к нему, и они познакомились. А потом стали встречаться. А потом она забеременела. А по-

том родила сына, и тут по Жванецкому, ОН «показал ей фотокарточку жены и ихних детей».

Виктория, которая верила только в хорошее, была оскорблена в лучших чувствах. Не менее были раздосадованы ее мама с тетей. Слава Богу, на дворе еще стоял социализм, поэтому жалобу в партком, написанную ими, разбирали на общем собрании таксопарка. В присутствии трех пострадавших.

Разбирали долго, со вкусом, пока прижатый к стенке Он, затравленно озираясь и потея, не произнес, наконец:

– Ребенок не мой. С ней мы только пили кофе!

Таксисты и диспетчерши рыдали от смеха – времена хоть были социалистические, но все же уже вегетарианские.

Через три дня после собрания папаша Коли, которого, возможно, снова потянуло на кофе, что-то бормотал в телефонную трубку, но Виктория решительно и бесповоротно вычеркнула его из своей жизни.

Теперь она любила только сына, хотя растила его, в основном, бабушка, потому что Виктория через полтора года поступила в театральный институт. Без всякого, заметим, блат, который был необходим раньше.

И без всяких денег, без которых не поступишь теперь.

Разве это не было чудом?

– По таланту я вторая на курсе у Т. – говорила она, улыбаясь. – А первая – дочка самого. У нас на курсе вообще все сынки, дочки, внучки и Жучки, и только я...

– Ну, да, – лицемерно поддакивали бабки у ворот, которым это все говорилось. – Талант, он пробьется.

– Надо же кому-то играть и деревенских, – говорили они по ее уходу. – Или прислугу какую... Артистка!

На последнем курсе Виктория сломала ногу. Случай неприятный, но кто не ломал? Однако при операции ей занесли какую-то бациллу, она год провалялась на больничной койке и вышла оттуда, фактически потеряв профессию, оттого что слегка прихрамывала, со сцены это было заметно.

У любой опустились бы руки, но только не у Виктории. Она по-прежнему весело смеялась, сияла глазами и ждала чуда. Жизнь, ведь, еще не закончилась, верно?

Совсем недолго она поработала в швейном цехе при театральном институте, а потом... А потом... чудеса случаются с теми, кто в них верит: в гостях у своей подруги Любы она познакомилась с настоящим итальянцем! Темноволосая, стройная Виктория, оказалось, как две капли воды была похожа на девушку, которую он любил раньше. Поэтому он на ней как-то по-быстрому женился и увез с сыном в Италию!

Это ли не чудо? Это ли не «принц на белом коне»? Итальянец, спортивный мужчина, на восемь лет ее старше, владелец двухэтажной виллы на берегу Терренского моря, который жил и работал полицейским в аэропорту городка Фимичино. И «охромелая» нищая принцесса, без профессии, зато с ребенком от другого самца в придачу.

Стояли голодные девяностые годы, и тысячи матерей – одиночек в России мечтали, сначала удобно устроиться на крепкой мужской шее, а потом и ускакать отсюда к чертовой матери.

Чудом, однако, это было только с точки зрения окружающих, но уж никак не Виктории с мамой!

Они обе неожиданно оказались патриотками! «Я – русская душа! – говорила Виктория. – Я хочу жить здесь!»

Она чуть не отказалась в последний момент идти в ЗАГС, но все же пошла, а потом и уехала, притом вместе с мамой, которая прогостила у несчастного зятя два месяца.

Мезальянс

Да, они с мамой были патриотками, любили Россию. И, как ни странно, считали этот брак мезальянсом.

«Ну, как Вика? Как вам Италия?» – спросила я как-то ее мать, крепкую и высокую старуху, которая в новом пальто, набычившись, и никого не видя, мрачно прогуливалась взад и вперед мимо нашего дома.

– Ничего хорошего, – ответила она, поджав губы.

– Да что же плохого?

– А не нравится нам там. Инфляция, продукты дорожают, – объяснила она.

Это говорилось в те годы, когда у нас в магазинах ценники менялись по два раза на дню.

Через год приехала Виктория, и я спросила, что же не устраивает ее.

– Понимаешь, – охотно объяснила она. – Альберто не любит жизнь!

Работает на двух работах. И экономит, экономит. В ресторан – в самый дешевый, отель – три звезды. Путешествовать не любит. В Париж с нами не поехал. В Нью-Йорк мой приятель Юрка-миллионер пригласил – не едет. И вообще: не нравится мне быть женой бедного.

– Но какой же он бедный? – Удивилась я.

– Вот моя знакомая в Риме – замужем так замужем! –

Объяснила Виктория. – Когда она родила девочку, муж сразу положил ей на счет десять тысяч долларов. Да и не хочу я быть ничьей женой. Лучше быть на содержании у богатого, чем женой бедного. Хочу быть содержанкой и хочу молодого тела, – засмеялась она. – Он же старше меня на целых восемь лет!

– А разбитого корыта ты не хочешь? – зачесался у меня язык, но я промолчала.

Дело в том, что в этот период, отчаянно поторговавшись, Виктория наняла меня репетитором к ее шестилетнему сыну. И я стала обучать его всему: математике, русскому языку, истории и географии.

– Правда, мой Коля очень талантливый? – спрашивала она ежедневно.

– Правда, – нагло врала я.

Не было у меня более тупого ученика. Но, забегая вперед, скажу, что к седьмому классу у Коли прорезались большие способности к математике. Видно, количество перешло в качество.

– Нет, правда-правда?

– Правда – правда.

Потом мы шли на рынок, где она покупала все, что любит Коля, и на что «падал ее глаз».

Помню, мы идем с рынка зимой и тащим на санках нагруженные литровыми банками коробки с соком для Коли, и несем шенка – французского бульдога – Коля захотел со-

баку. (Собаке повезло – она уехала в Италию).

– Посмотри, какой костюмчик я купила себе, – говорила она дня через два. – А это подарок Коле.

– А что ты купила в подарок Альберто?

– А ты считаешь, надо?

– А как же? На его-то деньги!

– Сам себе купит!

Она всегда спрашивала у меня совета, чтобы поступить наоборот.

Богатые должны дружить с богатыми

В этот период они с мамой начали строить новый дом в Псковской области, в деревне, откуда обе были родом. Вика купила участок на берегу озера и необходимые материалы. Строительством руководила мама – летом она жила тут с Колей.

Зычным басом мама орала на рабочих, вмешивалась в строительство, помогала таскать бревна.

– Мама как-то выстарилась, – сообщила Виктория, которая как-то вернулась из деревни и снова собиралась в Италию. – Зачем она затеяла эту стройку?

– Что это значит – выстарилась?

– Ну, постарела.

Через два дня после этого разговора из деревни позвонили.

Мама Виктории легла спать вечером, а утром не проснулась. Ей было семьдесят лет.

Вика впервые растерялась. Она привыкла жить по команде: мама строила, мама платила, мама ругала, мама руководила.

Хоронить мать вместе с Викторией поехала ее подруга Люба – та, в гостях у которой она познакомилась с Альберто.

Они законсервировали строительство и привезли из деревни потрясенного смертью бабушки Колю.

– На что мне теперь этот дом? Одна возня! – Сказала Вика.

Новый недостроенный дом быстро и охотно купили соседи за две тысячи долларов.

Виктория вновь уехала в Италию, но года через два вернулась с Колей и чемоданами, как она объяснила, навсегда.

– Альберто отпускать меня не хотел, – рассказывала она. – Но я ему поставила три условия: положить мне на счет десять тысяч долларов, вписать меня в дом, как собственницу, и усыновить Колю. Тогда вернусь.

– Мужчины не любят ультиматумов. Ты не хочешь сбавить обороты? Пусть выполнит хотя бы одно условие, – уговаривала я.

– Все три, или я не вернусь!

– А, если он этого не сделает? Жить ты на что будешь?

– Деньги есть.

– А когда кончатся?

Но плохие варианты Виктория не рассматривала никогда, никогда она не думала о завтрашнем дне.

И правильно делала. Потому что через какое-то время мне из Италии позвонил сам Альберто (телефон у Виктории отрезали за неуплату). Он выполнил все три условия! Через неделю мне позвонили опять, но уже в домофон – это приехал Альберто. Потом он позвонил мне в дверь, и я вызвала Викторию, у которой не было ни домофона, ни дверного звонка. Потом он вошел в ее квартиру, обошел гору грязного

белья (у нее не было стиральной машины) и, наконец, встретился с любимой женой!

Тут необходимы пояснения. Демонстрируя свою «широкую русскую натуру», Виктория, в самом деле, иногда приглашала своих подруг – массажистку Любу и певицу Валю – в ресторан, но, по большому счету, расставаться с деньгами, которые шли не на нее с Колей, не любила. За квартиру, к примеру, она платила только, когда получала предупреждение из жилконторы, что «ее дело передано в суд Н-ского района».

– Я здесь не живу, – объясняла она свою позицию и ругалась с бухгалтершей, насчитывающей ей пенни.

Виктория с Колей вернулись вместе с Альберто в Италию, но часто приезжали в Россию. Коля, в основном, любил сидеть дома, поэтому Виктория одна ходила в театры, музеи и рестораны. Впрочем, готовила она тоже, и готовила хорошо.

В Италию не торопилась.

– Надоело его нытье: то одно у него болит, то другое. И постоянно ругаемся из-за денег.

Несмотря на ругань, Альберто делал все, что она хотела, и потому Виктория с сыном объездили практически все континенты, причем останавливались только в пятизвездочных отелях.

Меня удивляло, что такой жадный интерес к жизни гармонично сочетался в ней с полным равнодушием к людям –

такое впечатление, что она видела только себя и Колю.

Поражало в ней также отсутствие какой-то благодарности – мужу или подругам. Какая такая благодарность? Тут – любовь, там – дружба. Вы же не благодарите солнце, которое вас греет?

В Италии Виктория ни с кем, кроме семьи, не общалась, а в России у нее были три подруги, и все они в этот период перебивались с хлеба на квас. Массажистке Любе, фигуристой высокой блондинке, не везло: одна растила дочку; спесивая «певица» Валя, что ранее подвизалась в самодеятельности, торговала теперь пирожками на рынке. Однако они обе охотно принимали Вику у себя дома, устраивали обильные застолья «по-русски», которые та очень любила.

Но чаще всего она ездила на дачу к третьей – портнихе Нине, которая вкалывала на шести сотках и за этот счет жила, но всегда набивала сумки Вики овощами и фруктами.

Помню, как Нине срочно понадобилось перекрыть крышу, и она попросила у Виктории денег в долг.

– Богатые должны дружить с богатыми, а бедные – с бедными, – сказала ей Вика, но, подумав, пообещала:

– Приеду через месяц – дам. И приехала через год, когда проблема разрешилась другим путем. Думаю – она просто забыла о своем обещании – не держала в уме чужих дел.

Коля окончил школу и поступил в училище для полицейских – пошел по стопам Альберто.

Проучился года два и был направлен на работу постовым

в Милан – довольно далеко от Фимичино, где они жили.

В этот период Виктория поделилась со мной своей мечтой – купить квартиру в новом доме, как раз напротив Эрмитажа.

– Квартира там стоит миллионы долларов, – сказала я. – Деньги, где возьмешь?

– Продам нашу квартиру в Питере, потрясу мужа, займу у Юрки – миллионера.

– Что он, идиот, тебе дарить свои деньги? А отдавать как будешь?

Но Виктория и не помышляла о возвращении долга, она всегда верила в хорошее:

– Ну, зачем Юрке такие копейки?

Я уже не возражала Виктории. В конце – концов, когда-то я не верила в то, что Альберто будет выполнять ультиматумы, которые она перед ним ставила. А потом не верила, что Юрка, владелец ювелирных магазинов в Нью-Йорке, приглашит ее с Колей в гости. Но, ведь, все это сбылось!

Усмешка Бога

Но не зря говорят: хочешь насмешить Бога, поделись с Ним своими планами. Квартира напротив Эрмитажа, должно быть, сильно Его насмешила, а, может, и разозлила. Одним словом, не успела Виктория потревожить Юрку-миллионера, как Альберто серьезно заболел.

У него оказался гепатит В. Впрочем, «оказался» он только для жены. Сам Альберто знал об этом еще до женитьбы, и все эти годы он принимал лекарства тайком от семьи и сослуживцев.

– Ты говорила, что он – порядочный человек! Вот так порядочный человек! – возмущалась Виктория. – Он же мог заразить меня и Колю! Он хотел, чтобы я родила ему ребенка. Какая я молодец, что сделала аборт!

Они с Колей помчались к врачам, но анализы показали, что оба здоровы.

Между тем, бедного Альберто не принимала уже ни одна больница – врачи по его состоянию понимали, что гепатит В. вступил в свою последнюю, терминальную стадию.

Все же Италия не Россия – наконец, Альберто взяли, и он промучился в больнице две недели. Виктория не могла смотреть на его страдания, поэтому туда не ходила.

Альберто позвонил ей сам:

– Вика, – сказал он. – Я хочу с тобой попрощаться сегодня,

потому что боюсь, что потеряю сознание.

– Ты поехала? – спросила я (эту историю она рассказала мне намного позже).

– А я, что, вожу машину?

– А такси? Там езды-то двадцать минут.

– Я же не знала, что он умрет. Мы с его сестрой поехали на следующий день, но было уже поздно.

Альберто умер в 55 лет. Мы были с ним мало знакомы, но мне почему-то было его жалко. Всю жизнь он вкалывал за троих, ничем не пользовался, экономил, хотел родить дочку – и то не вышло. Из всех женщин в России (а их у нас на рубль – ведро!) выбрал ту, которая всю жизнь «варила из него мыло». Что же, правду говорят: любовь зла!

На похоронах его товарищи – полицейские не смотрели в сторону Виктории и показательно выражали соболезнование только Коле.

Потом сын уехал в Милан, и Вика осталась одна.

Когда-то она хотела быть свободной, однако двадцать лет замужества трудно было скинуть со счетов. Она привыкла к Альберто, поэтому его смерть на какое-то время поколебала ее неиссякаемый оптимизм. Ведь, как ранее мама, Альберто решал все ее проблемы.

Теперь ей предстояло самой платить по счетам, судиться с сестрой Альберто, которой причиталась часть дома, за наследство, хлопотать о пенсии за мужа.

Шевелиться она не любила, но пенсию (1200 евро) полу-

чить сумела.

Вполне искренне поплакав на могиле мужа, Виктория, неисправимая оптимистка, вскоре воспрянула духом – жизнь еще не кончилась, верно? – и стала подыскивать другую «шею».

Прошло три месяца и, как говорится, «не сносив еще туфель, в которых шла за гробом мужа», легко и просто, как всегда, Виктория познакомилась с красавцем-итальянцем, который был лет на десять моложе нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.